

Проблемы соблюдения Европейской конвенции по правам человека в делах о депортации из Российской Федерации

Аннотация. За последние несколько лет Европейский Суд по правам человека неоднократно констатировал несоблюдение Россией гарантий Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) в делах о депортации. При этом ЕСПЧ, как правило, устанавливал однотипные нарушения, свидетельствующие о наличии системных дефектов в российской правовой системе. В настоящее время на рассмотрении ЕСПЧ находится значительное число новых аналогичных и сходных жалоб, в том числе недавно коммуницированная жалоба правозащитницы Ванессы Коган, возглавлявшей НКО «Астрей», связанная с аннулированием ее вида на жительство в России. Статья посвящена оценке соблюдения властями России гарантий ЕКПЧ в сфере депортации, определению ключевых проблем в этой области и поиску путей их решения. Статья развивает исследование, проведенное в недавно опубликованном издании «Защита по делам о высылке из Российской Федерации», подготовленном в сотрудничестве с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев. По результатам исследования автор приходит к заключению, что депортация и смежные с ней процедуры с точки зрения соблюдения ЕКПЧ являются наиболее проблемным механизмом высылки из России. В статье показаны основные дефекты правового регулирования и правоприменительной практики, а также предлагаются конкретные меры по их устранению.

Ключевые слова: Европейская конвенция по правам человека; ЕКПЧ; Европейский Суд по правам человека; ЕСПЧ; европейская система защиты прав человека; высылка; депортация; реадмиссия; выдворение; нежелательность пребывания; нежелательность проживания; неразрешение въезда; запрет въезда; убежище; эффективное средство правовой защиты.

Для цитирования: Жаринов К. Г. Проблемы соблюдения Европейской конвенции по правам человека в делах о депортации из Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 5. — С. 166–181. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.166-181.

© Жаринов К. Г., 2022

* Жаринов Кирилл Георгиевич, аспирант кафедры европейского права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, адвокат АП г. Москвы, партнер адвокатского бюро «Мусаев и партнеры» просп. Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454 objar007@yandex.ru

Problems of Compliance with the European Convention on Human Rights in cases of Deportation from the Russian Federation

Kirill G. Zharinov, Postgraduate student, Department of European Law, MGIMO University; Lawyer, Moscow Bar Association, Partner at Musaev & Partners Law Office
prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454
objar007@yandex.ru

Abstract. Over the past few years, the European Court of Human Rights has repeatedly found Russia's failure to comply with the guarantees of the European Convention on Human Rights (ECHR) in deportation cases. At the same time, the ECtHR, as a rule, found the same type of violations, indicating the presence of systemic defects in the Russian legal system. A significant number of new similar and related complaints are currently pending before the ECtHR, including a recently communicated complaint by human rights activist Vanessa Kogan, head of the NGO Astreya, related to the annulment of her residence permit in Russia. The paper is devoted to assessing the observance by the Russian authorities of the ECHR guarantees in the field of deportation, identifying key problems in this area and ways to solve them. The paper develops a study conducted in the recently published issue "Protection in cases of expulsion from the Russian Federation", prepared in cooperation with the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees. Based on the results of this study, the author concludes that deportation and related procedures, from the point of view of compliance with the ECHR, are the most problematic mechanism for expulsion from Russia. The paper shows the main defects in legal regulation and law enforcement practice, and suggests specific measures to eliminate them.

Keywords: European Convention on Human Rights; ECHR; European Court of Human Rights; ECtHR; European system of human rights protection; expulsion; deportation; readmission; enforced removal; undesirability of stay; undesirability of residence; entry denied; entry ban; shelter; effective remedy.

Cite as: Zharinov KG. Problemy soblyudeniya Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka v delakh o deportatsii iz Rossiyskoy Federatsii [Problems of Compliance with the European Convention on Human Rights in cases of Deportation from the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(5):166-181. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.166-181. (In Russ., abstract in Eng.).

1. Понятия депортации, реадмиссии и смежных процедур и основания для их применения

Одной из разновидностей высылки из России, наряду с выдачей/передачей (экстрадицией) в соответствии с УПК РФ и административным выдворением согласно КоАП РФ, является процедура депортации, которая обладает определенным своеобразием.

Во-первых, депортация, в отличие от административного выдворения, не является мерой наказания.

Так, согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан

в Российской Федерации»¹, депортация — это принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации. Общие принципы осуществления депортации установлены в ст. 31 указанного Федерального закона. Непосредственный порядок принятия и исполнения решений о депортации регламентирован приказом МВД России от 24.04.2020 № 239 «Об утверждении Порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территори-

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

альными органами»². В пункте 2 этого приказа приводится обобщение оснований для принятия решений о депортации, которые в достаточно разрозненном виде установлены в федеральных законах «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (п. 3 и 11 ст. 31 и п. 12 ст. 32.2), «О беженцах»³ (ст. 13) и «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»⁴ (ст. 25.10).

Следует отметить, что из указанных правовых норм лишь две сформулированы достаточно четко, а именно: п. 11 ст. 31 (возлагающий на органы МВД России обязанность по депортации осужденных к лишению свободы иностранных граждан, в отношении которых были вынесены решения о нежелательности их пребывания (проживания) в Российской Федерации или решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, после их освобождения из мест отбывания наказания) и п. 12 ст. 32.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан» (предписывающий депортацию иностранного гражданина, принятого Российской Федерацией от иностранного государства в соответствии с международным договором о реадмиссии, но не имеющего законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в случае если между Российской Федерацией и государством его гражданской принадлежности либо постоянного или преимущественного проживания не имеется соответствующего международного договора о реадмиссии).

Текстуальное описание иных оснований для депортации вызывает немало вопросов. В част-

ности, п. 3 ст. 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусматривает депортацию вследствие неисполнения иностранным гражданином обязанностей, установленных п. 1 и 2 этой же статьи. В них указано, что иностранец должен покинуть Российскую Федерацию в течение трех дней в случае сокращения срока его проживания или временного пребывания и в течение пятнадцати дней в случае аннулирования разрешения на временное проживание или вида на жительство. При этом не очевидно, с какого момента отсчитываются названные сроки добровольного выезда: с момента вынесения соответствующих решений о сокращении срока проживания (временного пребывания) / аннулирования РВП / аннулирования ВНЖ или же с момента уведомления иностранного гражданина об этом. Рекомендуемые образцы подобных письменных уведомлений не вносят ясности в этот вопрос⁵. Кроме того, никак не урегулирована возможность приостановления/продления таких сроков в случае объективной невозможности самостоятельного выезда (к примеру, по состоянию здоровья или же в связи с нахождением в местах предварительного заключения / отбывания административного ареста и т.п.).

Далее, статья 13 Федерального закона «О беженцах» предусматривает возможность как выдворения, так и депортации иностранных граждан, которым было окончательно отказано в предоставлении статуса беженца / временного убежища, а также которые утратили соответствующие статусы (или были их лишены по определенным обстоятельствам),

² Приказ МВД России от 24.04.2020 № 239 «Об утверждении Порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами» (зарег. в Минюсте России 25.06.2020, № 58761) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 25.06.2020.

³ Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» // Ведомости СНД и ВС РФ. 25.03.1993. № 12. Ст. 425.

⁴ Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

⁵ См., например: приказ МВД России от 18.12.2017 № 933 «Об утверждении Порядка принятия решения о продлении либо сокращении срока временного пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации» (зарег. в Минюсте России 22.01.2018, № 49699) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 23.01.2018.

в случае отказа таких иностранных граждан от добровольного выезда из Российской Федерации. Прежде всего, из формулировки указанной статьи неясно, что означает процедура «выдворения» в рамках действующего правового регулирования, а именно: равнозначна ли она процедуре исполнения административного выдворения — разновидности административного наказания, установленного КоАП РФ (который был принят спустя 8 лет после вступления в силу Федерального закона «О беженцах»); является ли она синонимом депортации или же представляет собой некий иной вид высылки, не получивший развития в принятых впоследствии законодательных актах. Помимо этого, статья 13 Федерального закона «О беженцах» не определяет сроков упомянутого в ней добровольного выезда иностранного гражданина из Российской Федерации.

Не менее расплывчатым представляется и содержание ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Так, согласно указанной норме, «иностранец или лицо без гражданства, в отношении которых принято решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию или решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, обязаны выехать из Российской Федерации в порядке, предусмотренном федеральным законом. Иностранец или лицо без гражданства, не покинувшие территорию Российской Федерации в установленный срок, подлежат депортации».

Из приведенной цитаты неясно, каким федеральным законом предусмотрен упомянутый выезд иностранного гражданина, а также что представляет собой «установленный срок».

Можно было бы предположить, что к рассматриваемой ситуации по аналогии применимы положения п. 1 ст. 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан», предусматривающие обязанность добровольного выезда иностранного гражданина в течение трех дней в случае сокращения срока его проживания или временного пребывания. Однако эта гипотеза опровергается содержанием рекомендуемого образца уведомления иностранного гражданина о вынесении в его отношении решения МВД России о нежелательности⁶, в котором предполагается установление конкретного срока, достаточного для добровольного выезда иностранного гражданина, непосредственно территориальным органом МВД России на индивидуальной основе с оговоркой, что такой срок не должен превышать один месяц.

Вместе с тем необходимо отметить, что рекомендуемый образец уведомления иностранного гражданина о вынесении в его отношении решения органов МВД России о неразрешении въезда в Российскую Федерацию⁷ не содержит никаких разъяснений о порядке и сроке добровольного выезда иностранного гражданина из Российской Федерации (хотя принятие подобного решения в отношении иностранного гражданина, находящегося на территории Российской Федерации, вполне допустимо). Более того, пра-

⁶ См.: приказ МВД России от 10.11.2012 № 1024 «О порядке представления и рассмотрения в МВД России и его территориальных органах материалов для принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации» (зарег. в Минюсте России 29.12.2012, № 26453) // Российская газета. № 9. 18.01.2013.

⁷ См.: приказ МВД России от 08.05.2019 № 303 «Об утверждении Порядка рассмотрения материалов, содержащих обстоятельства, являющиеся основанием для принятия (отмены) решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, а также форм решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, решения об отмене решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, уведомления иностранного гражданина или лица без гражданства о принятом в отношении него решении о неразрешении въезда в Российскую Федерацию» (зарег. в Минюсте России 07.06.2019, № 54876) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 10.06.2019.

новые акты ряда органов государственной власти, например ФСБ России, регламентирующие порядок принятия решений о нежелательности/неразрешении въезда, вообще не подлежат публикации, что приводит к дополнительным сложностям в правоприменении.

В этом контексте необходимо упомянуть, что практике известны случаи, когда решение о депортации вручалось иностранным гражданам непосредственно после их уведомления о вынесенном решении о нежелательности/неразрешении въезда или же непосредственно после их освобождения из СИЗО, что лишало их всяческой возможности добровольного выезда из Российской Федерации⁸.

Отдельно хотелось бы остановиться и на основаниях принятия решений о неразрешении въезда и нежелательности пребывания (проживания). Итак, основания для принятия решений о неразрешении въезда (которых в настоящее время насчитывается 21) перечислены в ст. 26 и 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», а основания для принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) указаны в ст. 25.10 этого же Федерального закона. Представляется целесообразным дословно привести содержание соответствующего отрывка названной статьи ввиду своеобразия ее формулировок:

«В отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, незаконно находящегося на территории Российской Федерации, либо лица, которому не разрешен въезд в Российскую Федерацию, а также в случае, если пребывание (проживание) иностранного гражданина или лица без гражданства, законно находящегося в Российской Федерации, создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц может

быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации».

Обращает на себя внимание конструкция процитированной нормы, которая предусматривает одно общее обязательное условие для вынесения решения о нежелательности (преследование целей защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц), а также три отдельных возможных основания для этого, каждое из которых является достаточным, а именно: 1) незаконность нахождения, 2) наличие решения о неразрешении въезда (вне зависимости от законности нахождения) и 3) реальная угроза определенным социально значимым интересам, исходящая от законно находящегося иностранного гражданина. Подобное решение законодателя вызывает недоумение, поскольку незаконность нахождения иностранного гражданина и так влечет административную ответственность и потенциальное назначение наказания в виде административного выдворения в судебном порядке. Кроме того, неочевидна целесообразность принятия решения о нежелательности в отношении иностранного гражданина, которому уже запрещен въезд в страну (что влечет равные правовые последствия как для иностранного гражданина, находящегося в Российской Федерации, а именно — депортация в случае уклонения от добровольного выезда, так и для иностранного гражданина, находящегося вне пределов Российской Федерации, а именно — невозможность въезда).

Наконец, основание для принятия решения о нежелательности, связанное с исходящей от иностранного гражданина угрозой, практически дословно дублирует одно из оснований для обязательного неразрешения въезда иностранного гражданина, предусмотренных пунктом 1 ст. 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую

⁸ См., например: постановление ЕСПЧ по делу *S. B. and S. Z. v. Russia*, No 65122/17 and 1 other, 8 October 2019, а также коммуницированные жалобы по делам *K. Z. v. Russia and 1 other application*, No 35960/18 and 1 other, *K. O. v. Russia and 4 other applications*, No 71772/17 and 4 others, *N. M. v. Russia and 3 other applications*, No 29343/18 and 3 others.

Федерацию». Усугубляет ситуацию тот факт, что и наличие решения о нежелательности является отдельным основанием для обязательного неразрешения въезда (п. 7 ст. 27 того же Федерального закона), несмотря на то что решение о нежелательности само по себе уже препятствует въезду в Россию (абз. 9 ст. 25.10 данного Федерального закона).

Завершая краткий обзор предшествующих депортации процедур, необходимо отметить, что и применение этих смежных процедур без непосредственной депортации в ряде случаев может представлять собой «высылку» иностранного гражданина из Российской Федерации в значении, которое придает этому понятию ЕСПЧ⁹. В частности, это может иметь место в ситуации, когда преимущественно проживающий в России иностранец на некоторый срок выезжает за ее пределы и впоследствии не может вернуться вследствие решения о неразрешении въезда, которое было принято в его отношении во время его отсутствия или о котором он узнал лишь при попытке возвращения. Такие обстоятельства могут подпадать, в частности, в сферу действия ст. 8 ЕКПЧ и ст. 1 Протокола № 7 к ЕКПЧ.

Следует также упомянуть, что в случае наличия между Российской Федерацией и государством гражданской принадлежности (постоянного проживания) высылаемого иностранного гражданина международного договора о реадмиссии вместо депортации может быть использована реадмиссия — процедура, предусмотренная главой V.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Несмотря на то, что реадмиссия обладает некоторыми особенностями, они не имеют существенного значения в контексте соблюдения гарантий ЕКПЧ в сфере высылки иностранных граждан. При этом правовое регулирование реадмиссии в российском законодательстве в целом ряде аспектов сходно с регламентацией процедуры депортации.

В этой связи последующий анализ соблюдения ЕКПЧ будет осуществлен с акцентом именно на процедуру депортации, а также смежную с ней процедуру неразрешения въезда в Российскую Федерацию. При этом выводы и предложения, сформулированные относительно депортации, по большей части будут применимы и к реадмиссии.

2. Соблюдение гарантий статей 2 и 3 ЕКПЧ в рамках процедуры депортации

Одной из ключевых проблем в рассматриваемой сфере является отсутствие в российском законодательстве каких-либо требований к анализу рисков для иностранных граждан в стране назначения при вынесении в их отношении решений о депортации.

Как уже было отмечено выше, такие решения выносятся органами МВД России автоматически: 1) на основании иных видов решений (о нежелательности, неразрешении въезда и т.п.), принятых органами МВД России или иными органами исполнительной власти в случае уклонения иностранного гражданина от добровольного выезда в течение некоторого (и не всегда четко установленного) периода после их вынесения / уведомления об их вынесении; 2) в случае наступления определенных обстоятельств в результате реадмиссии иностранного гражданина из третьего государства в Российскую Федерацию (п. 12 ст. 32.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). При этом практически во всех¹⁰ возможных ситуациях применения процедуры депортации органам МВД России не предоставляется никакой свободы усмотрения, напротив, законодательство требует от них вынесения решений о депортации в императивном порядке.

Следует отметить, что российское законодательство также не возлагает на органы ис-

⁹ См.: Nolan an K. v. Russia, No 2512/04, 12 February 2009.

¹⁰ Остается неясным, предусматривает ли статья 13 Федерального закона «О беженцах» альтернативу депортации в виде применения процедуры выдворения и что именно подразумевается под указанной процедурой.

полнительной власти никаких обязанностей по оценке рисков нарушения ст. 2 и 3 ЕКПЧ в случае последующей депортации и при вынесении большинства предшествующих депортации решений (о нежелательности, неразрешении въезда, сокращении срока пребывания (проживания), аннулировании РВП/ВНЖ).

Единственным частичным исключением из этого правила выступает депортация иностранного гражданина в случае отказа в предоставлении, лишения либо утраты убежища в соответствии со ст. 13 Федерального закона «О беженцах». Очевидно, что такой депортации ранее предшествовало рассмотрение обращения иностранного гражданина за убежищем, в ходе которой миграционные органы должны были проанализировать риски преследования / негуманного обращения в отношении иностранного гражданина в стране исхода (за исключением случая отказа в рассмотрении ходатайства о предоставлении статуса беженца по существу согласно ст. 5 Федерального закона «О беженцах»). Тем не менее важно иметь в виду, что утрата/лишение убежища могут быть обусловлены причинами, не связанными с отсутствием реальных рисков для заявителя в случае возвращения в страну исхода (например, его осуждением за совершение преступления в России). В подобном случае законодательство не предусматривает возможности воздержаться от депортации иностранного гражданина по причине сохранения риска нарушения ст. 2 и 3 ЕКПЧ.

Далее, стоит обратить внимание и на тот факт, что вынесение решения о депортации, как и вынесение большинства из предшествующих ему решений (частично исключая решения по вопросам предоставления убежища, а также решения о нежелательности пребывания иностранного гражданина после отбывания наказания в виде лишения свободы за умышленное преступление), не предполагает какой-либо

возможности участия в процессе самого иностранного гражданина (в отличие, например, от процедуры рассмотрения судом дела об административном правонарушении, предусматривающем наказание в виде административного выдворения).

Отсутствие какой-либо оценки рисков нарушения ст. 2 и 3 ЕКПЧ в случае депортации иностранных граждан не раз приводило к установлению ЕСПЧ однотипных нарушений в российских делах, в частности в постановлениях *Kholmurodov v. Russia*¹¹, *T. M. and Others v. Russia*¹², *U. A. v. Russia*¹³, *S. S. and Others v. Russia*¹⁴ и *S. B. and S. Z. v. Russia*¹⁵. Представляется, что констатированные судом нарушения являются следствием системной проблемы российского законодательства, описанной выше.

Хотелось бы также кратко остановиться на оценке соблюдения ст. 3 ЕКПЧ в отношении условий лишения свободы иностранных граждан, подлежащих депортации из Российской Федерации.

Согласно п. 9 ст. 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», иностранные граждане, подлежащие депортации, содержатся в специальных учреждениях до исполнения решения о депортации. В настоящее время функции таких учреждений выполняют центры временного содержания иностранных граждан (ЦВСИГ), находящиеся в подчинении территориальных органов МВД России. В таких центрах содержатся только лица, подлежащие принудительному выдворению, а также депортации/реадмиссии (в отличие от СИЗО, где находятся по большей части подозреваемые/обвиняемые в совершении преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации).

В 2014 г. в постановлении по делу *Kim v. Russia*¹⁶ Европейский Суд по правам человека впервые установил нарушение ст. 3 ЕКПЧ

¹¹ *Kholmurodov v. Russia*, No 58923/14, 1 March 2016.

¹² *T. M. and Others v. Russia*, No 31189/15 and 5 Others, 7 November 2017.

¹³ *U. A. v. Russia*, No 12018/16, 22 January 2019.

¹⁴ *S. S. and Others v. Russia*, No 2236/16 and 3 others, 25 June 2019.

¹⁵ *S. B. and S. Z. v. Russia*, No 65122/17 and 1 other, 8 October 2019.

¹⁶ *Kim v. Russia*, No 44260/13, 17 July 2014.

в связи с условиями содержания заявителя в СУВСИГ УФСМ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (в настоящее время — ЦВСИГ № 1 ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). Впоследствии Европейский Суд еще несколько раз приходил к аналогичным выводам как в отношении этого же учреждения¹⁷, так и в отношении ЦВСИГ, расположенных в Ивановской области¹⁸, Хабаровском крае¹⁹ и Калужской области²⁰.

В рамках исполнения указанных постановлений, объединенных в группу дел *Adeishvili (Mazmishvili) v. Russia*, власти Российской Федерации предприняли ряд общих мер, направленных на улучшение ситуации. В частности, был проведен ремонт в некоторых ЦВСИГ, усилен прокурорский надзор за условиями содержания, а также внесены необходимые изменения в действующие нормативные правовые акты и приняты некоторые новые документы²¹. Все эти шаги, безусловно, можно лишь приветствовать.

3. Соблюдение гарантий статьи 13 ЕКПЧ в совокупности со статьями 2 и 3 в рамках процедуры депортации

Не менее существенной системной законодательной проблемой, связанной с депортацией, является возможность немедленного исполнения решения о депортации и отсутствие какого-либо средства обжалования, обладающего

автоматическим приостанавливающим эффектом, наличие которого требует ст. 13 ЕКПЧ в совокупности со ст. 2 и 3 ЕКПЧ. Этим аспектом процедура депортации коренным образом отличается от экстрадиции и административного выдворения, несмотря на то что последствия всех трех основных процедур высылки из Российской Федерации могут быть аналогичными. Известны случаи, когда решение о депортации было исполнено уже через два-три дня после его вынесения²² и даже непосредственно в день вынесения²³.

Следует отметить, что иностранный гражданин все же обладает по меньшей мере теоретической возможностью обжалования решения о депортации в суде, воспользовавшись общим порядком оспаривания решений органов государственной власти, предусмотренным Кодексом административного судопроизводства РФ. Однако, как видно из изложенного выше, депортируемое лицо может попросту не успеть подготовить и подать административное исковое заявление.

Даже если решение о депортации не будет исполнено столь молниеносно, как в указанных выше примерах, иностранный гражданин может столкнуться и с рядом иных трудностей, таких как необходимость оплаты государственной пошлины, особенно в случае помещения в ЦВСИГ. Кроме того, очевидно, что из ЦВСИГ обратиться в суд удастся только почтой, что не

¹⁷ *A. L. (X. W.) v. Russia*, No 44095/14, 29 October 2015, *M. S. A. and Others v. Russia*, No 29957/14 and 5 Others, 12 December 2017 и *Alimuradov v. Russia*, No 23019/15, 29 January 2019.

¹⁸ *Adeishvili (Mazmishvili) v. Russia*, No 43553/10, 16 October 2014.

¹⁹ *Chanturidze v. Russia*, No 55080/12, 28 November 2017.

²⁰ *Liu v. Russia*, No 13311/10, 10 April 2018.

²¹ См. информацию об исполнении постановлений группы дел *Adeishvili (Mazmishvili) v. Russia* // URL: [https://hudoc.exec.coe.int/eng#%22fulltext%22:%22adeishvili%22,%22EXECDocumentTypeCollection%22:\[%22CEC%22\],%22EXECIdentifier%22:\[%22004-14044%22\]}](https://hudoc.exec.coe.int/eng#%22fulltext%22:%22adeishvili%22,%22EXECDocumentTypeCollection%22:[%22CEC%22],%22EXECIdentifier%22:[%22004-14044%22]}) (дата обращения: 06.05.2021).

²² См.: *S. B. and S. Z. v. Russia*, No 65122/17 and 1 other, 8 October 2019, а также коммуницированные жалобы по делам *K. O. v. Russia* and 4 other applications, No 71772/17 and 4 others, *N. M. v. Russia* and 3 other applications, No 29343/18 and 3 others, а кроме того, *Trenina D., Zharinov K.* From Russia to torture: Lack of or deficient remedies against prohibited treatment in extradition and other types of removal proceedings // *Closing the Door: the challenge facing activists from the former Soviet Union seeking asylum or refuge* / ed. by A. Hug ; The Foreign Policy Centre. London, 2017. P. 39–40. URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2017/12/Closing-the-Door-publication-Dec-2017.pdf> (дата обращения: 07.05.2021).

²³ *Yusupov v. Russia*, No 30227/18, 1 December 2020.

предполагает оперативности судебного контроля. Оформить доверенность на представителя для подписания и подачи им искового заявления непосредственно в приемную суда на практике также может быть затруднительно, поскольку начальники ЦВСИГ прямо не отнесены к должностным лицам, имеющим право на удостоверение доверенностей, согласно ст. 185.1 Гражданского кодекса РФ.

Необходимо упомянуть, что глава 7 КАС РФ предусматривает возможность обращения в суд с заявлением о применении мер предварительной защиты по административному иску. Среди таких мер может быть и приостановление решения о депортации до окончательного разрешения административного дела по существу. При этом согласно ч. 6 ст. 87 КАС РФ суд обязан принять решение по заявлению о применении предварительных мер защиты не позднее следующего рабочего дня после принятия административного искового заявления к производству суда.

Тем не менее указанное средство защиты не отвечает требованиям ст. 13 ЕКПЧ в совокупности со ст. 2 и 3 ЕКПЧ, поскольку не обладает автоматическим приостанавливающим эффектом²⁴. Судья имеет право, но не обязан приостановить исполнение решения о депортации, даже если административный истец ссылается на риск гибели и применения к нему пыток²⁵. Кроме того, сам факт обращения с заявлением о применении предварительных мер защиты не приостанавливает депортации. При этом срок рассмотрения судами таких заявлений, предусмотренный ч. 6 ст. 87 КАС РФ, периодически существенно нарушается²⁶. Если решение о депортации выносится ближе к окончанию

рабочего дня пятницы, то суд в лучшем случае сможет рассмотреть вопрос о мерах предварительной защиты лишь в понедельник, в то время как иностранный гражданин может быть депортирован и в нерабочий день.

Более того, как показывает практика, даже применение судом мер предварительной защиты еще не гарантирует, что иностранный гражданин действительно не будет депортирован. Так, в деле *Yusupov v. Russia* заявитель был выслан через несколько часов после приостановления судом решения о депортации из-за того, что это судебное определение не было оперативно доведено до сведения сотрудников территориального органа МВД России.

Следует отметить, что пока Европейский Суд еще не рассматривал по существу жалобы на нарушение ст. 13 ЕКПЧ в совокупности со ст. 2 и 3 ЕКПЧ в российских делах, связанных с депортацией. Однако сейчас в производстве ЕСПЧ находится сразу несколько подобных жалоб²⁷. При этом даже до вынесения Европейским Судом постановлений по этим жалобам можно сделать вывод об очевидных проблемах правового регулирования депортации в рассматриваемом аспекте.

4. Соблюдение гарантий статьи 8 ЕКПЧ в рамках депортации и иных смежных процедур

Постановления ЕСПЧ в отношении России, касающиеся нарушения гарантий ст. 8 в процедуре депортации, можно разделить на несколько групп.

Так, часть постановлений ЕСПЧ затрагивает ситуации, в которых решение о депортации

²⁴ О требовании автоматического приостанавливающего эффекта см. подробнее: *Harris D., O'Boyle M., Warbrick C.* Law of the European Convention on Human Rights. Fourth Edition. Oxford University Press, 2018. P. 754–755 ; Guide on Article 13 of the European Convention on Human Rights — Right to an effective remedy. Council of Europe / European Court of Human Rights, 2021.

²⁵ См., например: *T. M. and Others v. Russia*, No 31189/15 and 5 Others, 7 November 2017 ; *O. O. v. Russia*, No 36321/16, 21 May 2019.

²⁶ См., например: коммуницированные дела *K. Z. v. Russia and 1 other application*, No 35960/18 and 1 other ; *N. M. v. Russia and 3 other applications*, No 29343/18 and 3 others.

²⁷ См., например: *S. B. against Russia and 2 other applications*, No 65122/17 and 2 others.

было вынесено и исполнено²⁸, другая часть посвящена случаям, когда решение о депортации было лишь вынесено на основании смежных предшествующих решений, но по каким-то причинам не исполнялось, и заявители продолжали находиться на территории Российской Федерации, не имея возможности легализоваться в Российской Федерации и продолжая оставаться под угрозой депортации в любой момент²⁹. В ряде постановлений Европейский Суд рассматривал ситуации, когда иностранные граждане самостоятельно покидали территорию Российской Федерации после уведомления о предшествующих депортации решениях, не дожидаясь вынесения в их отношении непосредственного решения о депортации³⁰; случаи, когда иностранные граждане оставались на территории Российской Федерации, несмотря на уведомления о предшествующих депортации решениях, но решения о депортации впоследствии не выносились³¹, а также случаи неразрешения въезда иностранным гражданам, преимущественно проживающим в России, при попытке возвращения после кратковременного выезда в третью страну³².

Приведенная классификация может быть полезна практикующим юристам для подбора наилучшей аналогии из практики ЕСПЧ к обстоятельствам конкретного дела. Однако для выявления типичных проблем соблюдения гарантий ЕКПЧ в сфере депортации и иных смежных процедур целесообразно классифицировать постановления Европейского Суда по иному признаку, а именно: в зависимости от наличия или отсутствия в деле сведений, составляющих государственную тайну. Каждая из указанных

ситуаций имеет существенные особенности как с точки зрения законодательной регламентации соответствующих правоотношений, так и в контексте правоприменительной практики органов государственной власти Российской Федерации.

Итак, первая группа постановлений Суда охватывает случаи, когда материалы, на основании которых принимаются предшествующие депортации решения (как и сами эти решения), не являются секретными. К ним относятся, например, дела о высылке иностранных граждан после отбывания ими наказания в виде лишения свободы за умышленные преступления, а также вследствие наличия опасного инфекционного заболевания или привлечения к административной ответственности в определенных сферах.

Что касается правоотношений по депортации иностранных граждан на основании решений о нежелательности в связи с отбыванием ими наказаний в виде лишения свободы, Европейский Суд по правам человека отмечал, что их правовое регулирование в Российской Федерации отвечает требованиям «качества закона»³³. Тем не менее правоприменительная практика российских властей в этой области, к сожалению, не всегда соответствует стандартам ст. 8 ЕКПЧ. В частности, в постановлениях по делам *Akopdzhanyan v. Russia*³⁴ и *Singla v. Russia*³⁵ ЕСПЧ пришел к выводу о том, что российские суды не осуществили должного анализа баланса частных и публичных интересов, проявив исключительно формальный подход в делах об оспаривании решений о нежелательности. Вместе с тем следует отметить, что в постановлении

²⁸ *Rozhkani v. Russia*, 14918/14, 9 July 2019 ; *Akopdzhanyan v. Russia*, No 32737/16, 1 October 2019, а также см.: *Zezev v. Russia*, No 47781/10, 12 June 2018, где после вынесения решения о депортации заявитель был выслан из Российской Федерации посредством административного выдворения, назначенного судом по делу об административном правонарушении в области миграционного законодательства.

²⁹ См., в частности: *Liu v. Russia*, No 42086/05, 6 December 2007.

³⁰ *Gaspar v. Russia*, No 23038/15, 12 June 2018 ; *Akçay and Others v. Russia*, No 66729/16, 11 December 2018.

³¹ *Gablshvili v. Russia*, No 39428/12, 26 June 2014.

³² *Nolan and K. v. Russia*, No 2512/04, 12 February 2009 ; *Ustinova v. Russia*, No 7994/14, 8 November 2016 ; *Kamenov v. Russia*, No 17570/15, 7 March 2017.

³³ *Zakharchuk v. Russia*, No 2967/12, § 56–57, 17 December 2019.

³⁴ *Akopdzhanyan v. Russia*, § 55–56.

³⁵ *Singla v. Russia*, No 9183/16, § 39–40, 19 May 2020.

по делу *Zakharchuk v. Russia* Суд пришел к противоположным выводам, установив отсутствие нарушения ст. 8 ЕКПЧ с опорой на проведенный российскими судами надлежащий анализ индивидуальных обстоятельств.

Далее, в отношении высылки иностранных граждан вследствие наличия опасного инфекционного заболевания следует отметить, что Европейский Суд прямо указал на несоблюдение критериев «качества закона» в ходе анализа правового регулирования указанной сферы. Так, в постановлении по делу *Ustinova v. Russia*³⁶ ЕСПЧ обратил внимание на ряд процессуальных дефектов действующего на тот момент приказа Роспотребнадзора, регламентирующего вынесение им решений о нежелательности, среди которых была особо отмечена невозможность участия иностранного гражданина в процедуре принятия в его отношении решения о нежелательности и представления каких-либо доводов об индивидуальных обстоятельствах дела. К сожалению, в ныне действующем аналогичном приказе³⁷ выявленные Европейским Судом недостатки полноценно не устранены.

Представляется, что сходные претензии имеются у ЕСПЧ и к процедуре высылки иностранных граждан из Российской Федерации вследствие привлечения к административной ответственности в определенных областях (к примеру, аннулирования вида на жительство и принятия решения о нежелательности в связи с привлечением к административной ответственности в сфере оборота наркотических средств). Такой косвенный вывод можно сделать по результатам внимательного анализа содержания постановления *Gablishvili v. Russia*³⁸.

Кроме того, в указанном постановлении было обращено особое внимание на бессрочность вынесенного в отношении заявителя решения о нежелательности, что стало существенным аргументом в пользу вывода о непропорциональности вмешательства властей в реализацию заявителем права на частную и семейную жизнь³⁹. Практика последних лет показывает, что вынесение подобного бессрочного решения о нежелательности не является единичным случаем⁴⁰.

Как было отмечено выше, вторая обобщающая группа постановлений ЕСПЧ в сфере депортации и иных смежных процедур охватывает дела, в которых имелись сведения, относящиеся к государственной тайне.

Во всех делах этой группы ключевую роль играла секретная информация ФСБ России об угрозе национальной безопасности, исходившей от заявителей. Более того, секретным зачастую являлось и само решение ФСБ России о нежелательности/неразрешении въезда. Интересно отметить, что даже инструкции ФСБ России о принятии подобных решений также не размещены в открытом доступе.

Первым постановлением ЕСПЧ, в котором была детально рассмотрена подобная ситуация (как, впрочем, и ситуация депортации в целом), стало постановление по делу *Liu v. Russia*. В указанном постановлении Европейский Суд пришел к выводу о несоответствии законодательной регламентации высылки иностранных граждан по причинам национальной безопасности требованиям «качества закона»⁴¹. В частности, Суд установил, что действующее правовое регулирование позволило органам исполнительной

³⁶ *Ustinova v. Russia*, § 45–46.

³⁷ Приказ Роспотребнадзора, ФМБА России от 29.01.2019 № 42/13 «Об утверждении Порядка представления материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (приостановления действия, отмены) решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации...» (зарег. в Минюсте России 15.04.2019, № 54379) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 16.04.2019.

³⁸ *Gablishvili v. Russia*, § 45.

³⁹ *Gablishvili v. Russia*, § 58–59.

⁴⁰ См., например: коммуницированное дело *N. M. v. Russia and 3 other applications*, No 29343/18 and 3 others.

⁴¹ *Liu v. Russia*, No 13311/10, § 55–69.

власти принять решения, влекущие последующую депортацию, со ссылкой на угрозу национальной безопасности, никак не разъясняя, в чем конкретно состояла такая угроза. При этом материалы, послужившие основанием для вынесения указанных решений, не были представлены даже в национальные суды, которые были лишены возможности осуществить какой-либо контроль правомерности и обоснованности принятых решений.

Следует отметить, что в указанном постановлении ЕСПЧ подверг серьезной критике процедуры депортации и вынесения смежных с депортацией решений в целом, обратив внимание на то, что они не предусматривают достаточных процессуальных гарантий защиты прав иностранных граждан (в частности, отсутствует возможность какого-либо представления иностранным гражданином своих доводов, независимая судебная проверка в рамках состязательного процесса и т.п.), в отличие от процедуры привлечения к административной ответственности за миграционные правонарушения согласно КоАП РФ. Существенным аргументом в пользу подобных выводов Европейского Суда стал тот факт, что федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не предусматривают какого-либо порядка обжалования решений о нежелательности/неразрешении въезда и решений о депортации. При рассмотрении дела Liu v. Russia власти Российской Федерации также не представили каких-либо разъяснений в ЕСПЧ на этот счет.

Вместе с тем необходимо отметить, что в последующих постановлениях (за исключением упомянутого выше постановления по делу Ustinova v. Russia) Европейский Суд более не приходил к однозначным выводам о несоответствии правового регулирования депорта-

ции и смежных процедур критериям «качества закона». В частности, в постановлениях по делу Liu v. Russia (No 2)⁴² и Zezev v. Russia⁴³ Суд не стал рассматривать по существу поднятые заявителями вопросы о «качестве закона», предпочтя сосредоточиться на проверке соблюдения принципа пропорциональности вмешательства в реализацию права на уважение частной и семейной жизни. Более того, как уже было упомянуто выше, в постановлении по делу Zakharchuk v. Russia ЕСПЧ констатировал, что законодательные положения о вынесении решений о депортации и смежных решений в отношении лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, отвечают требованиям «качества закона». Представляется, что некоторое смягчение позиции Европейского Суда может быть связано с тем, что за время, прошедшее с вынесения первого постановления по делу Liu v. Russia, стала очевидной возможность судебного обжалования решений о нежелательности/неразрешении въезда и депортации в соответствии с общими положениями ГПК РФ (а впоследствии — КАС РФ) об оспаривании решений органов государственной власти.

Тем не менее вне зависимости от законодательного регулирования правоприменительная практика в рассматриваемой сфере страдает рядом значительных недостатков. Так, в делах, затрагивающих вопросы национальной безопасности, в которых ЕСПЧ впоследствии выявил нарушения ст. 8 ЕКПЧ, российские суды зачастую ссылались на якобы отсутствующую у них компетенцию по проверке выводов ФСБ России об угрозах безопасности в принципе⁴⁴, отдавали публичным интересам автоматический и абсолютный приоритет над частными интересами⁴⁵ либо проявляли исключительно формальный подход при проверке оспариваемых решений и сопоставлении затронутых интересов, когда проверка и сопоставление все же проводились⁴⁶.

⁴² Liu v. Russia (no 2), No 29157/09, § 79, 26 July 2011.

⁴³ Zezev v. Russia, § 36.

⁴⁴ Kamenov v. Russia, § 12 ; Gaspar v. Russia, § 19 ; Akçay and Others v. Russia, § 27.

⁴⁵ Liu v. Russia (no 2), § 81.

⁴⁶ Rozhkani v. Russia, § 34.

Отдельной существенной проблемой в подобных делах является непредставление Европейскому Суду материалов, ставших основанием для вывода о том, что иностранный гражданин представляет угрозу национальной безопасности (или даже выдержек из них (краткого изложения их содержания) с исключением сведений, составляющих государственную тайну). В одном из первых российских дел рассматриваемой категории ЕСПЧ даже пришел к выводу о нарушении властями России требований ст. 38 ЕКПЧ о создании Суду всех необходимых условий для установления им обстоятельств дела.

При этом в оправдание непредставления в Суд соответствующих документов российские власти ссылались на отсутствие в национальном законодательстве норм, регулирующих порядок передачи международным организациям сведений, составляющих государственную тайну. В последующих постановлениях исследуемой группы дел ЕСПЧ более не рассматривал вопросы соблюдения ст. 38 ЕКПЧ, однако автоматически делал негативные для российских властей выводы относительно обоснованности угрозы национальной безопасности, исходящей от заявителей, будучи полностью лишенным возможности самостоятельно провести анализ этих обстоятельств.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что многие из описанных выше законодательных дефектов и проблем правоприменительной практики остаются неустраненными и в настоящее время, о чем свидетельствуют недавно коммуницированные Европейским Судом дела в отношении Российской Федерации⁴⁷.

5. Соблюдение иных гарантий ЕКПЧ в рамках депортации и смежных процедур

При рассмотрении соблюдения иных гарантий ЕКПЧ в рассматриваемом контексте хотелось бы отметить, что правовое регулирование процедуры депортации не содержит каких-либо явных дефектов, приводящих к нарушению ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в отличие, например, о правового регулирования административного выдворения⁴⁸). Это связано с тем, что Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и КАС РФ предусматривают периодический судебный контроль лишения свободы депортируемых лиц, что является крайне позитивным.

Далее, следует остановиться на проблемах соблюдения гарантий ст. 34 ЕКПЧ (в аспекте необходимости соблюдения Правила 39 Регламента ЕСПЧ) в делах о депортации. К сожалению, случаи исполнения решений о депортации иностранных граждан уже после применения ЕСПЧ срочных обеспечительных мер согласно Правилу 39 его Регламента встречаются нередко. В постановлениях по делам *Zokhidov v. Russia*⁴⁹ и *O. O. v. Russia* Европейский Суд констатировал нарушения ст. 34 ЕКПЧ в связи с депортацией заявителей на третий и на четвертый день соответственно после применения ЕСПЧ Правила 39. В настоящее время на рассмотрении Суда находятся еще пять жалоб о депортации заявителей через несколько часов или даже дней после применения Европейским Судом срочных обеспечительных мер⁵⁰. Представляется, что сложившаяся ситуация связана как с законодательно предоставленной возможностью молниеносного исполнения решений о депортации, так и с недостаточно оперативным практическим взаимодействием Аппарата Уполномоченного

⁴⁷ См., например: *Sotvoldiyev v. Russia*, No 47636/18 ; *Kogan and Others v. Russia*, No 54003/20.

⁴⁸ См. подробнее: Защита по делам о высылке из России : практическое пособие / автор-сост. Е. З. Рябина ; под ред. Э. Г. Давидян, К. Г. Жаринова, Д. В. Трениной, А. С. Петрович. 3-е изд., обновл. и доп. М. : Наука, 2021. С. 103–107.

⁴⁹ *Zokhidov v. Russia*, No 67286/10, 5 February 2013.

⁵⁰ *K. O. v. Russia and 4 other applications*, No 71772/17 and 4 others ; *K. Z. v. Russia and 1 other application*, No 35960/18 and 1 other ; *N. M. v. Russia and 3 other applications*, No 29343/18 and 3 others.

Российской Федерации при ЕСПЧ с центральным аппаратом МВД России, а также, в свою очередь, центрального аппарата МВД России с территориальными подразделениями.

И наконец, необходимо упомянуть о соблюдении российскими властями гарантий ст. 1 Протокола № 7 к ЕКПЧ. Нарушение указанной статьи, связанное непосредственно со смежными с депортацией процедурами (а именно — процедурой неразрешения въезда)⁵¹, было констатировано Европейским Судом лишь однажды — в 2009 г., в постановлении по делу *Nolan and K. v. Russia*. Тем не менее важно отметить, что это нарушение было вызвано непредставлением Суду материалов ФСБ России, связанных с угрозой национальной безопасности, исходящей от иностранных граждан. Как уже было отмечено выше, впоследствии указанная проблема приобрела систематический характер.

6. Выводы

Как видно из вышеизложенного, депортация и смежные с ней процедуры не отвечают гарантиям ЕКПЧ и являются весьма проблемным с этой точки зрения механизмом высылки иностранных граждан из Российской Федерации.

Это связано прежде всего с разрозненным и не слишком удачным правовым регулированием указанных процедур, которое в ряде аспектов не соответствует требованиям «качества закона». Среди сохраняющихся и по сей день значительных проблем в этом контексте можно назвать: неопределенность сроков добровольного выезда иностранных граждан в случае вынесения в их отношении ряда предшествующих депортации решений; чрезмерную широту, расплывчатость и дублирование оснований для принятия решений о неразрешении въезда и нежелательности; практически полное отсутствие в российском законодательстве норм, обязывающих органы исполнительной власти оценивать риски нарушения конвенци-

онных гарантий в ходе вынесения предшествующих депортации решений; полное отсутствие у органов МВД России какой-либо дискреции при принятии самих решений о депортации; секретность ряда нормативных правовых актов, а также отсутствие средств правовой защиты от депортации, обладающих автоматическим приостанавливающим эффектом.

Помимо дефектов законодательного характера, существенные проблемы имеют место и в процессе правоприменения, что особенно ярко проявляется в делах о высылке, содержащих материалы, относящиеся к государственной тайне. Все это неоднократно приводило к констатации Европейским Судом по правам человека нарушений ЕКПЧ.

7. Предложения по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики

Для улучшения ситуации в рассматриваемой сфере представляется целесообразным внести в правовые акты следующие изменения.

Прежде всего, необходимо более четко регулировать сроки добровольного выезда иностранных граждан в случае вынесения решений, предшествующих депортации. В частности, следует закрепить правило об отсчете срока добровольного выезда, предусмотренного п. 1 и 2 ст. 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», с момента уведомления иностранного гражданина о принятии в его отношении решения о сокращении срока пребывания (проживания) или аннулирования РВП/ВНЖ. Кроме того, необходимо законодательно установить сроки добровольного выезда иностранных граждан, уведомленных о вынесении в их отношении решений о нежелательности/неразрешении въезда, а также окончательных решений об отказе в предоставлении, лишении или утрате статуса беженца или временного убежища. Наконец, сто́ит предусмотреть при-

⁵¹ В постановлении по делу *Volat v. Russia* ЕСПЧ также установил нарушение ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ в контексте депортации, однако непосредственное нарушение стало следствием не вынесения решения о депортации, а последующей неправовой высылки заявителя.

остановление течения сроков добровольного выезда при наличии уважительных причин, объективно ему препятствующих, таких, например, как тяжелая болезнь, содержание под стражей или утрата проездного документа.

Далее, целесообразно внести определенность в законодательство относительно оснований принятия решений о нежелательности и неразрешении въезда, избежать их дублирования либо же вообще отказаться от одной из разновидностей указанных решений (к примеру, сохранив только институт решений о неразрешении въезда).

Следующей важнейшей мерой является включение в нормативные правовые акты положений об обязанности органов исполнительной власти оценивать риски нарушения гарантий ЕКПЧ и иных международных стандартов в области защиты прав человека в ходе вынесения решений о депортации и иных смежных решений. Кроме того, необходимо предусмотреть сроки вступления в силу решений о депортации, в течение которых указанные решения можно было бы обжаловать в судебном порядке, что автоматически приостанавливало бы их исполнение до вступления в силу судебного акта (сохраняя при

этом возможность помещения депортируемых лиц в ЦВСИГ немедленно после вручения им решения о депортации). В качестве альтернативной концепции может рассматриваться также передача судам исключительной компетенции по вынесению решений о депортации и смежных решений на основании материалов, представленных органами исполнительной власти.

Наконец, среди рекомендуемых законодательных мер следует назвать разработку правил и механизмов, позволяющих передавать ЕСПЧ материалы, содержащие государственную тайну, или же несекретные выдержки/обобщения, составленные на основе таких материалов, достаточные для эффективного рассмотрения ЕСПЧ жалоб по ст. 8 ЕКПЧ в делах о высылке.

Что касается возможных шагов по совершенствованию правоприменительной практики в исследуемой сфере, сто́ит рассмотреть вопрос о принятии разъяснений на уровне Верховного Суда РФ (к примеру, постановления Пленума либо обзора судебной практики) о необходимости более тщательного применения стандартов ст. 2, 3 и 8 ЕКПЧ судами в административных делах об оспаривании решений о депортации и иных смежных решений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Защита по делам о высылке из России : практическое пособие / автор-сост. Е. З. Рябина ; под ред. Э. Г. Давидян, К. Г. Жаринова, Д. В. Трениной, А. С. Петрович. — 3-е изд., обновл. и доп. — М. : Наука, 2021. — 224 с.
2. Guide on Article 13 of the European Convention on Human Rights — Right to an effective remedy. — Council of Europe / European Court of Human Rights, 2021.
3. *Harris D., O'Boyle M., Warbrick C.* Law of the European Convention on Human Rights. — Fourth Edition. — Oxford University Press, 2018.
4. *Trenina D., Zharinov K.* From Russia to torture: Lack of or deficient remedies against prohibited treatment in extradition and other types of removal proceedings // Closing the Door: the challenge facing activists from the former Soviet Union seeking asylum or refuge / ed. by A. Hug ; The Foreign Policy Centre. — London, 2017. — P. 39–40. — URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2017/12/Closing-the-Door-publication-Dec-2017.pdf> (дата обращения: 07.05.2021).

Материал поступил в редакцию 4 июня 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zashchita po delam o vysylke iz Rossii: prakticheskoe posobie / avtor-sost. E. Z. Ryabinina ; pod red. E. G. Davidyan, K. G. Zharinova, D. V. Treninoj, A. S. Petrovich. — 3-e izd., obnovl. i dop. — M. : Nauka, 2021. — 224 s.
2. Guide on Article 13 of the European Convention on Human Rights — Right to an effective remedy. — Council of Europe / European Court of Human Rights, 2021.
3. Harris D., O'Boyle M., Warbrick C. Law of the European Convention on Human Rights. — Fourth Edition. — Oxford University Press, 2018.
4. Trenina D., Zharinov K. From Russia to torture: Lack of or deficient remedies against prohibited treatment in extradition and other types of removal proceedings // Closing the Door: the challenge facing activists from the former Soviet Union seeking asylum or refuge / ed. by A. Hug ; The Foreign Policy Centre. — London, 2017. — P. 39–40. — URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2017/12/Closing-the-Door-publication-Dec-2017.pdf> (data obrashcheniya: 07.05.2021).